
ТЕОРИЯ “СЛОВ И ВЕЩЕЙ” В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Э. Д. Хаустова

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Идея изучения истории слова в связи с историей вещи принадлежит лингвистической школе “Слова и вещи”, оформившейся в 1909 г., когда стал выходить издаваемый Р. Мерингером одноименный журнал. Ученые данной школы (Р. Мерингер, В. Мейер-Любке, Г. Шухардт, В. фон Вартбург, М.Л. Вагнер, Ф. Крюгер и др.) заявили, что “слово существует лишь в зависимости от вещи” и в качестве основных выдвинули принципы изучения лексики в связи с культурой и историей народа [3, 301]. С именем Г. Шухардта связано важное положение о необходимости различать значение и обозначение, а равно и дисциплины, изучающие эти явления [9, 346].

Такой взгляд на слова и обозначаемые ими вещи возник благодаря развитию сравнительно-исторического языкознания, этимологии и диалектологии.

В конце XIX – начале XX века большое внимание уделялось методу лингвистической географии, основы которого были заложены Ж. Жильероном, изучавшим таким образом диалекты. Основываясь на данных созданного им вместе с Э. Эдмоном атласа (“Atlas linguistique de la France”, 1902–1910), он показал, что развитие языка в его устной форме происходит более сложным путем, чем думали младограмматики, исходя из письменных текстов. В лингвогеографических исследованиях рядом ученых развитие языка рассматривалось в непосредственной связи с политическими, культурными и религиозными факторами [9, 420].

Возрос интерес к исследованию специфики изменений значений и анализу лексики по семантическим полям. Теоретическое осмысление понятия “семантическое поле” впоследствии нашло отражение в работах Й. Трира, Г. Ипсена [9, 597].

Ученых интересовали исторические изменения, пережитые первичной формой и значением слова. Большое внимание уделялось истории слова, при этом этимология как биография слова использовалась в противовес пониманию этимологии как происхождению слова [9].

Один из основоположников направления “Слова и вещи” австрийский лингвист Гуго Шухардт считал, что исследование слов не должно противостоять воздействию, исходящему со стороны науки о вещах. Исследование вещей и исследование слов должно идти совместно; они должны проникать друг в друга, переплетаться и приводить к результатам, одинаково необходимым и ценным как для той, так и для другой области. Союз “и” в выражении “вещи и слова” должен превратиться из символа сложения в символ умножения; необходимо создать историю веще-слов [7, 314].

Затрагивая вопрос о соотношении слова и вещи, Г. Шухардт писал, что вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук. Таким образом, вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее. Не случайную, но закономерную и необходимую роль в отношении между словом и вещью играют представления. Представление неизменно находится между вещью и словом, поскольку оно не заменяет собою слова [7, 314–315].

Большое значение Г. Шухардт придает переходу от рассмотрения вещей и слов в состоянии покоя к рассмотрению их в развитии. Деятельность творит и оформляет вещи. Слова, называющие вещи, воспроизводятся бесчисленное количество раз и тоже становятся историей, и эта история в основном является историей говорящего. В качестве доказательства своей мысли ученый проводит аналогию: подобно тому как два слова, объединяясь друг с другом, образуют новое слово, так и две вещи, объединившись, порождают новую вещь; и так как такое объединение приводит к самым разнообразным последствиям, то при исследовании преемственности вещных форм возникают те же затруднения, как и при исследовании связи словесных рядов. Вещи и слова, несмотря на самостоятельное развитие, тесно переплетены друг с другом. Чтобы понять историю слов, нужно начать с вещей, учитывая при этом, что они вступают в связь со словами только с помощью представлений, а

последние возникают у нас лишь в меру присущей словам прозрачности [7, 316–317].

Анализируя развитие отношений между вещью и словом, исследователь отмечает, что не всегда изменение или неизменение вещи влечет за собой соответственное поведение обозначения. В действительности обозначение так же часто сохраняется неизменным в случае, если вещь претерпевает изменение, как и изменяется, если вещь остается, по крайней мере в существенном, неизменной. Последнее находит свое объяснение в том, что одна и та же вещь рассматривается и оценивается разными людьми совершенно различно. Главная причина кроется в чрезвычайно различных индивидуальных интересах каждого [7, 317].

Вещь может изменяться, а слово, напротив, оставаться неизменным. Это происходит, когда то общее, что ощущается как ее сущность, сохраняется во всех модификациях вещи. Иногда одного назначения вещи, при изменении до неузнаваемости других ее признаков, оказывается достаточно, чтобы вещь удержала свое старое наименование. Каким образом и когда новое обозначение, возникшее первоначально наряду со старым, заменило его, можно установить лишь в отдельных случаях. Основная причина данной замены – это ощущаемая тем или иным индивидуумом потребность в ней. Эта потребность вызывается известным преимуществом нового обозначения по сравнению со старым [7, 317–318].

Одной из основных задач методики своего исследования австрийский ученый считал объяснение основных отношений между “вещами и словами”. По его мнению, “если бы мы не были осведомлены о способах приготовления древними гусиной печени или какого-нибудь столь же изысканного блюда, то мы не могли бы понять романских слов со значением «печенка»”. Кроме того, слова отражают культурное значение вещи. Многочисленные примеры наглядно демонстрируют связь географии вещей и слов. Иногда слово может многое рассказать об истории вещи. Так, то или иное старое слово сохраняется как название какой-нибудь вещи, а изменение этой вещи обозначается путем добавления к нему другого слова, как правило, противоречащего основному. Например, *Silbergulden* – ‘серебряный гульден’ – буквально обозначает ‘серебряный золотой’ [7, 320].

Изучение истории вещей, безусловно, помогает преодолевать трудности перевода. С некоторыми из них мы столкнулись при исследовании лексико-

семантической группы “обувь” в русском и английском языках.

Оказалось, эквивалентные наименования обуви в русском и английском языках могут представлять разные вещи. Так, англо-русский словарь В. К. Мюллера переводит *boot* как ‘ботинок’ [5, 76]. Английский толковый словарь дает следующее определение *boot*: ‘a covering of leather or rubber for the foot and ankle, usually heavier and thicker than a shoe’ (буквально ‘покрытие из кожи или резины для ступни и лодыжки, обычно тяжелее и плотнее туфли’). *He laced up his boots / army boots / a pair of football boots* [133, 130]. В толковом словаре русского языка *ботинки* – ‘обувь на шнурках, пуговицах, молнии, закрывающая ногу по щиколотку или выше. Кожаные, лакированные ботинки’. *Мужские ботинки. Лыжные, боксерские ботинки (специализированная спортивная обувь)* [8, 93]. В словаре В. И. Даля находим определение слова *ботинки*, известное в 19 веке: ‘полусапожки, особенно женские, сапожки с короткими, поротыми голенищами, на завязках, застежках’ [2].

Казалось бы, лексеме *boot* в английском соответствует *ботинок* в русском языке. Однако круг значений слова *boot* в английском языке оказывается шире, чем у соответствующего *ботинок* в русском языке, то есть у слова *boot* имеются все те же значения, что и у слова *ботинок*, но, кроме того, у него есть и значения, которые в русском языке передаются иными словами.

Так, лексема *boot* имеет ряд переносных значений. Англо-русские словари демонстрируют использование лексемы *boot* в значении ‘отделение для багажа в автомобиле’, ‘пинок ногой’, ‘увольнение с работы’, ‘колодки как орудие пыток’, ‘фартук экипажа’, ‘обертка початка кукурузы’ [5, 76], ‘защитный чехол вроде чулка для ног лошади’, ‘у некоторых птиц – оперенные лапы’, ‘подставка с сиденьем для слуг на карете’, ‘башмак (внешний стояночный страховочный тормоз)’ [10, 10]. Толковые английские словари дополняют этот список значений: ‘a patch for the inside of a tire casing’ [17, 102] (буквально ‘заплата с внутренней стороны шины’); ‘a tool for holding things tightly together, usually by means of a screw’ [14, 133] (буквально ‘инструмент для крепкой фиксации вещей обычно с помощью зажима’); ‘the action of loading an operating system for a computer from a disk into the computer’s memory’ [13, 130] (начальная загрузка). Словари современного английского сленга позволяют отметить широкое употребление лексемы *boot* в разговорной речи со следующими значени-

ями: ‘a navy or marine recruit undergoing basic training’ (буквально ‘призывник военно-морского флота, проходящий базовую подготовку’); ‘a black person’ (негр). *A lot of paddy studs still didn't know that boots were human* [12, 24]; ‘a thrill; a charge’ (возбуждение, заряд). *I get a real boot out of my grandchildren* [15, 45]. Кроме того, лексема **boot** входит в ряд фразеосочетаний.

Такое отношение неполной эквивалентности между словами двух языков Л. С. Бархударов называет включением [1, 76].

Изучение предметов обуви по картинному словарю современного английского языка позволило заметить интересную особенность употребления лексемы **boot** в прямом значении. Наряду с ботинком англичане называют словом **boot** то, что для русского человека является сапогом. Поэтому на русский язык английское *winter boots* следует переводить как *зимние сапоги, men's high leg boots* – *мужские сапоги, lady's boots* – *женские сапоги, Wellington boots* – *резиновые сапоги, Western boots* – *ковбойские сапоги, pony-skin boots* – *меховые сапоги* [16, 101].

Данные примеры показывают, что конкретизация значения лексемы **boot** достигается с помощью определительных слов.

Вслед за Л. С. Бархударовым можно предположить, что в случае со словами **ботинок** и **сапог** в русском языке и соответствующего им **boot** в английском языке речь идет не о многозначности английской лексемы **boot**, а о семантической недифференцированности. Английский язык дает возможность не выражать разницы между понятиями **сапог** и **ботинок**, в то время как русский язык вынуждает пользующегося им обязательно выразить эту разницу. По словам Л. С. Бархударова, для дифференциации тех или иных понятий при отсутствии специальных лексических единиц язык прибегает, как правило, к помощи определительных словосочетаний [1, 84]. Как раз это можно наблюдать на примере английской лексемы **boot**.

В этой связи Р. Якобсон справедливо замечает, что “языки различаются, главным образом, в том, что они **должны** выразить, а не в том, что они могут выразить”. [11, 233].

Для англичан важнее оказалось понятие **ботинок**. Этот предмет обуви хорошо известен и любим англичанами, о чем свидетельствует богатство семем лексемы **boot**. А для выражения идеи о **сапоге** им достаточно прибегнуть к определительным словосочетаниям. Переводчику при переводе необходимо учитывать подобные нюансы, связанные

с историей и культурой народа, с особенностями развития языка.

Методы изучения “слов и вещей” позволяют исследовать посредством истории слов различные связанные с ними стороны материальной и духовной культуры и среды, в которой на определенном историческом этапе жили носители языка [9, 620]

Так, сапоги в Европе появились в XVII веке. Основное внимание уделялось мужским сапогам. Их носили повседневно. К сапогам пришивались кружева или оборки из голландского батиста. К концу XIX века начала изменяться конструкция обуви. Обувь стала более жесткой и практичной: атлас и шелк уступили место твердой коже. Появились высокие ботинки из твердой кожи, застегивающиеся на различного вида пряжки, ремни, шнурки, а в более позднее время – на “молнии”. Впервые стали изготавливаться женские “башмаки для гулянья”. Особым событием конца XIX века искусствоведы считают появление женских зимних ботинок и ботинок для коньков [4, 36–37].

Возможно, особенности моды, сложившиеся традиции, мягкий английский климат способствовали большему распространению именно ботинок, которые в Англии носят и в межсезонье, и зимой.

Самобытность Руси определила развитие русской обуви. Самой распространенной обувью были лапти, которые вне городской черты население носило до начала XX века. Однако городское население, как показали раскопки городов, носило ботинки и сапоги. Производство их было на достаточно высоком уровне. Появление сапог на Руси связывают с переселением венгров, которые задержались в южной части земли, заселенной потом славянами [4, 37–38]. Вероятно, особенности развития России, суровые климатические условия объясняют наличие в русской лингвокультурной общности и сапог, и ботинок.

Необходимость обращения к истории вещи может возникнуть при переводе с одного языка на другой наименований реалий, которых нет в одном из языков. Чтобы осуществить эквивалентный перевод переводчик должен знать, как выглядит вещь.

При изучении лексико-семантической группы обуви мы обратили внимание на несоответствие количества наименований обуви в русском и английском языках.

Так, для наименования грубой тяжелой обуви в английском языке употребляется преимущественно лексема **boot** как самостоятельно, так и с уточняющими определениями. Словари дают и

другие наименования, которые в настоящее время устарели и редко употребляются в языке. Например, *bluchers* ‘короткие тяжелые сапоги’ [5, 72]; *brogues* (в американском английском ‘мужские или женские уличные ботинки, часто украшены накладками из кожи с декоративными дырочками и насечками; грубые рабочие башмаки из недублёной кожи’) [10]; *stogie* (в американском английском ‘тяжелый сапог, грубый башмак’) [5, 711]; *waders* ‘болотные сапоги’ [10].

Русскому человеку, кроме сапог и ботинок, известны и другие наименования грубой, тяжелой обуви. *Осташи* – ‘сапоги с высокими голенищами из грубой, обычно неокрашенной кожи с узкими носками’ [8]. Данная обувь шилась на кожевенном заводе в городе Осташевке. По городу-производителю обуви и получила свое наименование. *Ботфорты* изначально представляли собой ‘высокие сапоги с твердыми голенищами выше колен, широким раструбом и подколенной выемкой (преимущественно у кавалеристов)’ [8, 93]. Такие сапоги носили в XVII в. После 1960 г. они вошли в моду как женская обувь – чаще всего это ‘мягкие замшевые сапоги’ [6, 215]. *Баретки* – ‘закрытые уличные туфли на шнурках или застежках’ [8, 59]. *Башмаки* – ‘в старину преимущественно женская изящная (обычно с разрезом на подъеме) обувь из кожи или ткани (бархата, атласа), иногда на каблуке, с застежками, бантами и другими украшениями’ [8, 63]. *Боты* – ‘высокие непромокаемые или теплые ботинки, надеваемые обычно поверх другой обуви в сырую или холодную погоду’. *Резиновые, суконные, фетровые боты* [8, 93]. Согласно словарю В. И. Даля, раньше боты представляли собой преимущественно женские полусапожки с короткими, поротыми голенищами, на завязках, застежках [2, 1997]. *Чеботы* – ‘мужская и женская обувь, высокий башмак, по щиколотки, ботики с острыми кверху носками’: *Ой, чок, чок, чеботочки, здравствуйте, милые дружочки!* песня [2]. *Бахилы* – ‘обувь, распространенная у рыбаков и охотников: мягкие кожаные сапоги с закрывающими бедро голенищами на помочах’ [8, 62].

Хотя данные предметы обуви устарели и вышли из обихода, почти все их названия остались в языке. Правда, теперь они служат для наименования новой обуви (как, например, ботфорты) или для любой грубой, не по размеру большой, не изящной обуви (как, например, бахилы, чеботы, башмаки, баретки). Последние в ироническом ключе активно используются в современной речи: *Это не туфли, а настоящие бахилы* [8, 62]. *Что это у тебя за*

чеботы? [8, 1469]. *Ходить в рваных башмаках. Таскать отцовские башмаки* [8, 63]. *Фирма под названием “Пальмира” — это в частности обувь “Монарх” (магазин-склад отстойных бареток — наверняка, знаете...).* / *Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит, как на звезде.* (Примеры из Internet).

Так, не зная истории вышедшей из обихода обуви, переводчику трудно сделать эквивалентный перевод устаревшего наименования и передать его ироническое звучание в современном употреблении.

Если в русском языке представлено большое количество названий для грубой, тяжелой обуви, то в английском языке поражает количество наименований разновидностей туфель. Обратимся к картинному словарю современного английского языка [16, 101].

Так, закрытые туфли на шнурках в английском языке называют *shoes* ‘туфли’ или с уточняющими определениями *tie-shoes*, *laced shoes* ‘завязывающиеся туфли’. В британском варианте английского языка распространено также наименование *lace-ups*, а в американском – *oxfords*. Для называния закрытых туфель со шнурками на каблуке используется уточняющее определение *high-heeled shoes* ‘туфли на высоком каблуке’.

Закрытые туфли на невысоком каблуке, напоминающие “туфли-лодочки”, называют *court-shoes* в британском варианте английского языка или *pumps* – в американском варианте. “Туфли-лодочки” с открытой пяткой и ремешком сзади называют *sling back court shoes* в британском варианте и *sling pumps* – в американском. “Туфли-лодочки” на подошве типа танкетки называются *fabric court shoes*, *wedgies*.

Для наименования туфель на высоком каблуке-шпильке употребляется лексема *stilettos*. В русском языке такую обувь называют *шпильки*.

Для наименования разновидностей легких кожаных туфель без каблука и без застежек типа мокасин в английском языке используются лексемы *loafer*, *moccasin*, *casual*.

Таким образом, ряду английских наименований, более точно и детально описывающих фасон туфель, соответствует несколько русских: *туфли*, *мокасины* и разговорные наименования *туфли-лодочки*, *шпильки*.

Даже для домашних тапочек в английском языке существует несколько названий. *Slipper* – ‘a light shoe with the top made from soft material, usually worn indoors’ [13, 1246] (буквально ‘легкая туфля

с верхом из мягкого материала, которую обычно носят дома'). Согласно картинному словарю современного английского языка, *slipper* служит наименованием для тапочки с задником. Для обозначения тапочки без задника используется лексема *mule* – 'a shoe or slipper with no back, but only a piece of material across the toes to hold it on' [13, 873]. Разновидность домашней тапочки без задника с открытым носком называется *open-toe mule*. Для комнатной туфли может употребляться менее употребительное наименование *espadrille* [10].

Таким образом, словарное описание не всегда дает наглядное представление о предмете. И чтобы понять причину наименования вещи, нужно обратиться к истории самой вещи. Переводчик должен представлять, как выглядит вещь и знать ее историю. Привлечение экстралингвистической информации абсолютно необходимо для осуществления эквивалентного перевода и межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М., «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – СПб.: «Диамант», 1997.
3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. / В. А. Звегинцев. – М., 1964. – 466 с.
4. Кожевникова И.Г. Русская обувная терминология как система. Дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 1992. – 150 с.
5. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 6-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. – 880 с.
6. Нерсесов Я. Путешествие в мир: Мода / Я. Нерсесов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. – 240 с.
7. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. – Ч. I. – М., 1964. – С. 304–324.
8. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. АBBYU Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь.
11. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation// "On Translation", ed. by R. Brower. – Cambridge, Mass.: 1959. – P. 233.
12. Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang // Oxford University Press, 1992. – 300 p.
13. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK. Limited, 1992. - 1528 p.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Sixth edition. Edited by Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2003.
15. Spears R. A. Dictionary of American Slang. National Textbook Company. USA, 1991. (Спиерс Р. А. Словарь американского сленга. – М.: Рус. Яз., 1991. – 528 с.)
16. The Oxford-Duden Pictorial English Dictionary, Oxford University Press, Oxford Bibliographisches Institut, Mannheim Russki Yasyk, Moscow, 1985. (Картинный словарь современного английского языка. Оксфорд-Дуден. Оксфорд Юниверсити Пресс, Оксфорд Библиографический Институт, Маннгейм Русский язык, Москва, 1985.)
17. Webster's School Dictionary. Merriam-Webster inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A., 1986. – 1168 p.